ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Я купил проездной на автобус.
Езжу по городу часто и самозабвенно.
Йерун Антониссон ван Акен

Маша нажимает на живот кукле, та молчит.
Она еще раз нажимает — кукла молчит.
Маша несет куклу маме.
Та пробует — кукла молчит.
«Сломалась, наверное», — говорит мама.
«А может, ей просто нечего сказать».

Лето. Утро. Ранний городской автобус. Запотевшие окна. Электронному табло некого удивлять несовпадениями в буквах и словах. Тот час, когда день морально еще не начался, а город уже бодрится и делает вид, что готов.
Тихо. Автобус непостижимого Адриатического цвета проезжает мост. Внизу — ожидает вода. Водитель тормозит машину посреди асфальтового горба, отстегивает угол окна и бросает в треугольную щель остатки вчерашних булок. Капризных городских уток подачками не соблазнишь. С утра они предпочитают здоровый навóдный сон.
В салоне несколько пассажиров. Усталые люди, нагруженные тюками собственных мыслей, обстоятельств и связанных с ними противоречий.
Не до конца протрезвевший со вчера Рыбчинский в кепке и мятой куртке с пакетом апельсинов дремлет, привалившись к окну.
Похожий на седого Вуди Аллена бывший учитель литературы Костров в желтом поло и легких парусиновых штанах подкручивает тонкие усики и теребит взглядом оживающую урбанистическую даль.
Женщина с замечательными бровями, Вера Петровна Болкун, мерно клюет носом после ночной инвентаризации в универмаге «Спрос», при этом она то и дело взбудораживается, лишь бы не проехать нужную остановку.

ОСТАНОВКА: БОРОВАЯ УЛИЦА

Рыбчинский в состоянии дремы все равно помнит, что ему скоро выходить. Маневром опытного автопилота он отклеивает себя от сиденья и выруливает к средней двери. Автобус притормаживает, но двери не открывает.
Рыбчинский не до конца ощущает, что происходит.
Водитель, не замечая его, механически тянется к потертым кнопкам, закрывает и без того закрытые двери и трогается.

РЫБЧИНСКИЙ. Это, а... Это.

Вселенной нет до «этого» никакого дела. Женщина с бровями чуть размыкает узкие веки, и снова они падают под тяжестью полусна. Рыбчинский пристраивается на полу перед

дверьми — он пытается пробудиться. Следующая остановка должна быть метров через триста. На этом перегоне они часто.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИГЛАШАЮТ МУЖЧИН НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ. ЖДЕМ ВАС В ИНФОРМАЦИОННЫХ ЦЕНТРАХ ВО ВСЕХ РАЙОНАХ ГОРОДА. ЗВОНИТЬ ПО КОРОТКОМУ НОМЕРУ 117. ВОСЕМНАДЦАТЬ ПЛЮС.

Вот и она.

ОСТАНОВКА: РАССТАННАЯ УЛИЦА, ДОМ 4

Водитель смотрит поверх голов. Не замечает никого у дверей, не видит желающих войти на остановке. Чуть подтормаживает и не останавливает вовсе. А зачем?
Рыбчинский смотрит на тесно сомкнутые двери с непониманием.

ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ (*просыпаясь*). Там кнопка есть. Надо на кнопку жать.

Бывший учитель Костров с головой погружен в свои увесистые мысли.

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА: РАССТАННАЯ УЛИЦА

Женщина с бровями поднимается с места. Автобус приближается к нужной ей остановке. Она грузно обозначает себя у передних дверей, прямо за стеклом от водителя.

ОСТАНОВКА: РАССТАННАЯ УЛИЦА

ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Вот же.

Автобус останавливается. И Вера Петровна инструкционно тычет пальцем в кнопку. Один раз. Потом еще несколько. Двери не реагируют.
Женщина с бровями оборачивается на водителя. Тот зарывает взгляд в усталую дорожную пыль; пассажиры рано или поздно сами заметят скотчем приклеенный к двери мятый листок с будничной надписью «Не работает». Женщина с досадой шлепает по стеклу кабины ладошкой, и спешит к центральным дверям.
Только она собирается вырваться на волю, вернее на свободу (она еще хотела зайти в магазин), в этот самый момент, с остановки в салон поднимаются трое: худой курьер Володя с массивным кубом-термокоробом за спиной, Эля, студентка-филолог в слишком большом всепогодном плаще и бизнесмен с телефоном и звучной парной фамилией Зайцев-Зайцев, которую он почему-то скрывает, особенно на людях.
Входящие не толкают, не грубят — они просто и ненамеренно преграждают собою выход. Двери за ними закрываются. И Вера Петровна вместе с ее бровями, недосыпом и невразумительными переживаниями о бывшем муже остается внутри. Автобус трогается.

ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Вы что все умом посходили с самого утра. Выйти-то надо дать? Нет?

Вошедшие не расположены включаться в полемику. Они пожимают плечами, поочередно пищат проездными по желтым терминалам оплаты и рассредоточиваются по салону.

ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Значит не судьба мне «Коровок» взять. Думала в «Дикси»... Ладно. Потом зайду.

ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. На автобусе я! Долго рассказывать. Если надо решить я сам подъеду, и сам решу. Ждите!.. Ждите, говорю!.. Связь опять легла.

Будут ли ждать те, кто на другой стороне оборвавшегося беспроводного сигнала — большой вопрос, который некоторое время еще занимает бизнесмена.

ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Представляете, мне выходить, а этот двери не открыл. «Не работает».
ЭЛЯ. Мы же зашли.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Вы-то зашли, а толку? Ладно. Мне все равно на следующей, то есть через одну. Вам неинтересно, я вижу.
ЭЛЯ. Почему, очень даже.

Рыбчинский все-таки приводит себя в движение. Ему бы тоже на следующей. Или хотя бы через одну.

УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ, ВО ИЗБЕЖАНИЕ ВОЗМОЖНОГО ТРАВМИРОВАНИЯ, НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ВХОДИТЬ И ВЫХОДИТЬ В МОМЕНТ ЗАКРЫТИЯ ДВЕРЕЙ.
СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА: ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ИОВА (ПО ТРЕБОВАНИЮ)

Рыбчинский решается. Курьер Володя начинает нервничать. Он вообще человек нервный. Заскочил в автобус остановку прокатить. С утра контроля не бывает, можно пешком не тащиться. И кто заказывает еду в такую рань? Ох уж эти любители вкусных завтраков. Может, они даже профессионалы.

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА: ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ИОВА (ПО ТРЕБОВАНИЮ)

ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ (*перекрестилась*). Слышали? Два раза ту же объявил.

Володя нервно оглядывается на нее и подходит к дверям. За ним, наконец, собравшийся с силами Рыбчинский.

ОСТАНОВКА: ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ИОВА

Автобус останавливается. Двери хоть и заедают сначала, но распахиваются.
Вся ситуация до смешного повторяется. Входящие с улицы не ждут и без всякого промедления начинают подниматься в салон, не замечая и не пропуская выходящих. На этот раз снизу напирают трое ЗОЖников только что с пробежки, женщина с брендовыми пакетами, а сразу за ними, молодящийся мужчина в новом пиджаке с вымученно огромным букетом темно-алых роз и подходящим к случаю именем Роман.

КУРЬЕР (*выкрикивает*). Выпусти!

На него озираются, пытаясь сразу же выявить первые признаки душевнобольного.

ОСТОРОЖНО ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ. СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА: СТАНЦИЯ МЕТРО ВОЛКОВСКАЯ / ДУНЬКИНА ГОРКА

Автобус закрывает двери и трогается, оставляя курьера в недоумении. И только из дальнего угла доносится отрывистый некрасивый Элин смешок. Этот гортанный звук опрокидывает заспанный салон.

КОСТРОВ. Что происходит?
КУРЬЕР. Выйти не дают.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. А я говорила.

Курьер Володя прорывается к кабине через весь автобус, но короб-то не бросишь, а с коробом идти затруднительно.

КУРЬЕР. Водитель, я свою остановку проехал.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. А я говорила...
КОСТРОВ (*водителю*). Молодой человек, вы в зеркало смотрите? У вас люди в дверях застряли!
КУРЬЕР. Я так опоздаю!
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Да что говорить. Это нормально вообще? Сами встали стеной, а выйти как?
КОСТРОВ. Они нажимали, просили выйти!
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Звоните в службу жалоб.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Связи нет.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. А, точно.

КОСТРОВ. Друзья, мы же не на базаре. Водитель и правда странный. Может, он не слышит нас или не понимает. Давайте договоримся заранее: на следующей остановке тем, кому нужно на выход, пускай становятся ближе к дверям. Те, кто едет дальше — пропустят их. Входящих с остановки нужно попросить подождать.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Не послушают.
КОСТРОВ. Если не послушают, ну не знаю. Кто-то готов попридержать?

Смотрит на сияющих ЗОЖников.

ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Молодые люди?!
ЗОЖНИК 1. Молодые? Уже за один ваш комплимент.

КОСТРОВ. Готовы?
ЗОЖНИК 3. А то!
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Ну вот.
КОСТРОВ. Только прошу, спокойнее. Выход наших товарищей зависит от нашей с вами слаженности.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Товарищей?
КОСТРОВ. Ну не товарищей, соратников, собратьев и сестер по автобусному несчастью. Как хотите.

РЫБЧИНСКИЙ. Не получится.
КОСТРОВ. Спасибо за ваш утренний оптимизм. Попробуем?

КУРЬЕР. Мне нужно вперед. У меня заказ.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. А мне на работу.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. А мне домой.
КОСТРОВ. Пожалуйста-пожалуйста. Кому еще на выход?

Эля запускает камеру на телефоне, в полной готовности что-то записать.

ОСТАНОВКА: СТАНЦИЯ МЕТРО ВОЛКОВСКАЯ / ДУНЬКИНА ГОРКА

ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Вы не выходите?
ЭЛЯ. Даже не пытаюсь.

Двери открываются. Но снаружи, прямо напротив выхода, из ниоткуда возникает заметно уже беременная девушка в свободном платье с пустой коляской.
Тихо и неуклюже Мария, так ее зовут, задирает на ступени передние колеса, а затем докатывает задними. Не пропустить ее невозможно. Следом втискиваются осмотрительный мужчина по фамилии Шайков и два нескучно проводящих каникулы школьника с фикусом в большом горшке. Горшок задевает людей по коленям. Листья зелеными пощечинами скользят по лицам. Земля из горшка, уступая закону всемирного тяготения, сыплется под ноги пассажирам, загрязняя все на своем лету.

ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Нельзя поаккуратнее?
ШКОЛЬНИК 1. Простите.
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Не видите что ли.
ШКОЛЬНИК 1. Извините.
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Извиняются они. У меня здесь вещи?
ШКОЛЬНИК 1. И что, а у нас фикус. Не надо его бить и вообще делать ему больно.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Ты ему не сделаешь. Даже если ты ему сделаешь, он ничего не почувствует.

УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ, НЕ ЗАДЕРЖИВАЙТЕСЬ НА ВХОДЕ, ПРОХОДИТЕ ВНУТРЬ САЛОНА. НЕ СЛЕДУЕТ СТОЯТЬ У ДВЕРЕЙ, ВЫ МОЖЕТЕ ПОМЕШАТЬ ДРУГИМ ПАССАЖИРАМ.

КУРЬЕР. А мы опять не вышли.
КОСТРОВ. Без паники. Давайте обсудим, что сейчас произошло.
ЗОЖНИК 1. Нечего и обсуждать.
БЕРЕМЕННАЯ. Извините, пожалуйста, я поставлю коляску.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Милочка, тут проблемы поважнее.
БЕРЕМЕННАЯ. Я все-таки поставлю.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Как хотите.

ЗОЖНИК 1. Все эти ваши уговоры не работают. На следующей пробуем по-своему.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. По-своему это как?
КОСТРОВ. Давайте успокоимся.
ЗОЖНИК 2. Хватит. Успокаивались уже.

Заядлые поклонники здорового образа жизни, они же фанатичные любители вдали от большого спорта, возьмут безнадежное дело в свои крепкие ладони. Их в принципе не убеждают массы слов. Не сговариваясь, они расчищают для себя пространство перед дверьми. Их логика проста, у кого сила в руках тот и сможет. Их движения уверенны, как ковши экскаваторов, взрывающие донья щебенчатых карьеров. Этими самыми ковшами разгребают они людей по сторонам на пути к цели. Объявление остановки звучит гимном будущих свершений.

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА: УНИВЕРСИТЕТ КИНО И ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Произнесенное далее — натягивает до звона струны намерений.

УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ, ВО ИЗБЕЖАНИЕ ТРАВМ И ПАДЕНИЙ ДЕРЖИТЕСЬ ЗА ПОРУЧНИ.

Эля запускает новый стрим. Но без интернета, конечно, стрим не стрим. Только запись. Пускай так.

Горлом подступает долгожданный момент, когда здоровое тренированное тело, наконец, обеспечит его адептам предсказанное Ювеналом преимущество.
Двое ЗОЖников принимают третьего на руки. Не качают, нет, пока не до триумфа. Но устремляют головой вперед прямо в двери. Лишь только покажется долгожданный просвет, они будут готовы бросить своего соратника в направлении воли по примеру тарана, с треском пробивающего вражеские ворота.

ОСТАНОВКА: УНИВЕРСИТЕТ КИНО И ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Автобус притормаживает. Пассажиры замерли, как многие годы назад замирали в цирке зрители перед прыжком смиряющего державную гордость льва сквозь горящий огнем обруч.
Двери распахиваются. По углам оформившегося квадрата сияет заветная свобода.
Но только по углам. Ровно посередине медленно с плохо скрываемой дрожью в автобус поднимается пожилая женщина с рюкзаком в руках. Октябрина Андреевна заблаговременно сняла свой заплечный груз, как делают почти все интеллигентные пенсионеры советского воспитания.
Но маятник тарана уже отклонен. Избранный накопил инерцию качания, и вот он летит — какая ирония, — стремительно летит на встречу со старостью, от которой в обычное время убегает бесконечными кругами парков и стадионов.
Столкновение неизбежно. Вера Петровна в волнении плечом подбивает Элин телефон и вносит сумятицу в целостность удачного кадра.
Неправду говорят, про рожденного ползать. Кое-что он все-таки способен исполнить в полете. Сгруппироваться, к примеру.
Единожды взлетевший, не желая столкновения с замершей от удивления, не успевшей еще испугаться Октябриной Андреевной, съеживается, на лету слегка выгибает себя, ударяется углом глаза о желтый поручень и падает на пол ничком. Годы тренировок не прошли зря. Пусть глаз поплывет, но, по крайней мере, все живы. В том числе поднявшиеся сразу за Октябриной Андреевной молодой человек в наушниках, будущий режиссер, и строгая девушка Юлия, дочь судьи.

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА: БЛАГОДАТНАЯ УЛИЦА

Но и удачным первый полет не назовешь. Двери упрямо сворачивают светлый квадрат как фантик от конфет в узкую полоску, постепенно превращая его в воспоминание.

ЗОЖНИК 1. Где молоток?! Счас разнесу это стекло к херам!

Но нет ни молотка, ни других ему подобных инструментов. На каждом из положенных мест зияют только застарелые тени. С ними безопаснее.
Возникает соблазн треснуть по стеклянным стенам передвижного лазурного бункера кулаком. Но те стекла не без причины называют ударопрочными. Бей их, не бей — только кулаки оборвешь.

Автобус неумолим, как будильник в кастрюле, он торопит себя от одного перегона к другому. Любители ЗОЖа оригинальным образом пытаются сохранить не взлетевшее достоинство. Они забиваются подальше в угол и поникают.

КОСТРОВ. Ну не получилось.

Избранный ЗОЖник сверкает из угла одним своим здоровым глазом.

ЗОЖНИК 3. Видели, я улицы коснулся. Носком. Видели? Это считается?
КОСТРОВ. Чем... считается?
ЗОЖНИК 3. Ну как, частичным выходом.
КОСТРОВ. Вы с ума сошли?
ЗОЖНИК 3. У других-то и такого не было.
КОСТРОВ. Это что соревнование?
ЗОЖНИК 2. В каком-то смысле все — соревнование.

Костров виновато запинается о термокороб.

ЗОЖНИК 1. Это водитель виноват, давайте его высадим.
ЭЛЯ (*смеется*). Не водитель, а комитет по транспорту.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Вы еще губернатора сюда прилепите вместе с городской администрацией.
ЗОЖНИК 2. Легко!
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Почему автобусы редко ходят, интервалы по сорок минут?
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Пора списки составлять: губернатор, диспетчеры, кто еще?
КОСТРОВ. Наш город всегда был культурным. А сейчас место не уступают, выйти не дают.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Понаехавшие то есть? Пишем «недостаток культуры».
ДОЧЬ СУДЬИ. Коррупция.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Как без нее.
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Карма.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Так, в трансцендентные материи спускаемся.
ЗОЖНИК 3. Невезение.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Та же категория. Пишу «судьба».
КУРЬЕР. Я слышал, нейросеть маршруты распределяет.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Вот она! Я эту позицию ждал. Пишу «Скайнет».
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Погода. У нас что зима, что лето — каждый раз приходят неожиданно. Сейчас все разом на пляжи и в парки поехали, вот транспорт и помешался.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Не ожидал. Записываю погоду.
ЗОЖНИК 1. Куда пишешь-то?
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. В телефон.
ЗОЖНИК 1. Сдохнет скоро твой телефон.
КУРЬЕР. Случайность ещё!

Конспиролог Виктор Шайков, до этого момента все больше присматривался и оглядывался по сторонам и никакого участия в дискуссии не принимал, но названный последним пункт сработал на него словно взведенный спусковой крючок.

Не будучи конспирологом по специальности, профессия к слову у него была вполне обычная — ремонтник конвейерной линии, Виктор Иванович являлся конспирологом по вполне искреннему самоизбранному призванию. Ввиду объяснимых причин, связанных с тем, что шипящие согласные всегда толпятся в самых подвалах алфавита, во всех списках он неизменно числился в низах и даже имел по этому поводу некоторую детскую недосказанность. Так вот, Виктор Шайков не выдерживает провокации и выкрикивает, точно отзыв на пароль.

КОНСПИРОЛОГ. Случайности не случайны.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Так мы далеко уйдем.
КОНСПИРОЛОГ. Ничего не далеко. В мире много обмана и несправедливости. Несправедливости одних к другим. Кто сильнее — сразу показывают превосходство. А те кто умнее, утаивают его. Человеческий ум — это тончайший инструмент. С его помощью можно просчитывать сложные комбинации. Тем более сейчас и техника в помощь. За каждым инцидентом, за каждым происшествием всегда кто-то стоит. Поэтому, я считаю найти виновного — уже наполовину выйти.
ЗОЖНИК 3. Я-то почти вышел.

ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Пока буду фиксировать нарушения, чтобы включить в коллективную жалобу.
ДОЧЬ СУДЬИ (*сухо, неохотно, словно по инерции втягивается в разговор*). Вообще-то чтобы коллективную жалобу составить, нужно суть проблемы указать, которая затрагивает интересы заявителей. Вы суть понимаете?
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Мистика?
ДОЧЬ СУДЬИ. Боюсь, не судебный случай. Если только не доказан факт мошенничества.

Эля замечает, как молодой человек в наушниках рисует что-то в своем блокноте, игнорируя все споры. Она направляет на него свою камеру.

Володин термокороб снова становится кубом преткновения. Пассажиры двигают его по полу, отталкивают, задевают ногами.

УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ УСТУПАТЬ МЕСТА ИНВАЛИДАМ, ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ, БЕРЕМЕННЫМ ЖЕНЩИНАМ И ПАССАЖИРАМ С ДЕТЬМИ.

КОНСПИРОЛОГ. Что он там везет? Запрещенные вещества?
КУРЬЕР. Какие еще вещества.
КОНСПИРОЛОГ. Знаем какие. Про вас много пишут.
КУРЬЕР. Что за бред... кто пишет?
КОНСПИРОЛОГ. Информированные люди.
КУРЬЕР. Дичь какая-то. Мне нужно заказ отвезти. Мне нужно... в туалет.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Это же вам не такие автобусы, с туалетами.

КОСТРОВ. Что, и потерпеть не можешь?
КУРЬЕР. Как терпеть, когда на тебя всякие чудаки кидаются.
КОНСПИРОЛОГ. Слышали? От темы уходит. Говори, что везешь. Да еще в такую рань.
КУРЬЕР. Отстань.
МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Букет мне не мните.
КОСТРОВ. Давайте успокоимся. Мы же не дикари, в конце-то концов. Хочется верить. Можем мирно все обсудить.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. А мочевые пузыри вы тоже будете обсуждениями заговаривать? Нас тут много едет.
КОСТРОВ. Надеюсь, эту проблему нам все-таки решать не придется.

КОНСПИРОЛОГ. Если там нет ничего, что ты так боишься. Вы видели? Боится. Открывай!

Курьер загораживает широкий короб своим деликатным телом.

КОСТРОВ. Оставьте его. У нас есть дела посерьезнее, не правда ли? Пожалуйста, давайте займемся выходом. (*Курьеру*) Убери его, куда-нибудь.
КУРЬЕР. Куда?
КОСТРОВ. Не знаю.

ЗОЖНИК 2. Я вам не мешаю?
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Мешаете.
ЗОЖНИК 2. Но я чтобы коляску не раздавить.
БЕРЕМЕННАЯ. Спасибо.

КОНСПИРОЛОГ. Пустые коляски теперь поважнее людей.
КОСТРОВ. Ну что вы такое говорите.

УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ, С 22 ИЮНЯ СТАНЦИЯ МЕТРО «ПАРК ПОБЕДЫ» ЗАКРЫТА НА РЕКОНСТРУКЦИЮ. РЕКОМЕНДУЕМ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ БЛИЖАЙШИМИ СТАНЦИЯМИ МЕТРОПОЛИТЕНА. ИНФОРМАЦИЮ О ДВИЖЕНИИ НАЗЕМНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА ЧИТАЙТЕ НА САЙТЕ КОМИТЕТА ПО ТРАНСПОРТУ И ГКУ «ОРГАНИЗАТОР ПЕРЕВОЗОК».

Курьер вжимается в стену вместе с выдающимся коробом. Внимание к нему умирает само собой.

ОСТАНОВКА: БЛАГОДАТНАЯ УЛИЦА

Автобус тормозит у невысокого ограждения, двери приоткрываются: за ними сияет новый асфальт, и урны голубиного цвета, и голуби, клювами тюкающие яркий мусор, и хозяин с тонконогой собакой на поводке, и весело цокающие за ней скандинавскими палками решительные пенсионеры, и тетки в бледных фартуках, предлагающие разномастные цветы, клубнику и всякие еще дурацкие пирожки.
На дальнем фоне ухоженные парковые деревья виляют свежими зелеными задницами.
В раскрытые двери продолжают вжиматься неподготовленные люди.

Пассажиры уже успели устать друг от друга. Бывший учитель литературы Костров распределяет вновь вошедших.

КОСТРОВ. Перейдите, пожалуйста, за этот поручень. Здесь есть место. (*Курьеру*) Сдвинь короб сюда. Ребята, уступите, пожалуйста, старшим.
ЭЛЯ. С чего это?
КОСТРОВ. С того!
ЭЛЯ. Понятно.

Никто не назначал его главным. Никто не просил. Никто не вознаградит его за усилия.

УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ С ДЕТЬМИ, ПРИ НАХОЖДЕНИИ В САЛОНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА СЛЕДИТЕ ЗА ДЕТЬМИ, НЕ ДОПУСКАЙТЕ КАСАНИЯ ПОДВИЖНЫХ МЕХАНИЗМОВ, ПРИ ВХОДЕ И ВЫХОДЕ КРЕПКО ДЕРЖИТЕ ДЕТЕЙ ЗА РУКУ. СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА: ПРОСПЕКТ ЮРИЯ ГАГАРИНА

ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Предлагаю, и вообще это давно надо было сделать, выбрать старшего по салону.
ЗОЖНИК 1. На себя намекает.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Почему намекаю, прямо говорю. Опытный руководитель, много лет возглавляю крупную, ну, скажем, достаточно крупную компанию, буду всем вам очень полезен.
ЗОЖНИК 2. Что-то мне это напоминает.
КОНСПИРОЛОГ. Выборы скоро... в Думу.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Ну что, нет желания? Наверное, время еще не пришло.
КОНСПИРОЛОГ. А компания-то ваша чем занимается?
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Ну нет, так нет...

Пока бизнесмен говорит, Костров делает.

КОСТРОВ. Встаньте, пожалуйста, сюда.
МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Я где хочу, там и буду стоять.
КОСТРОВ. А где вы хотите?

МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Пока не знаю.

ЭЛЯ. А можно мне тогда телефон зарядить?
ЗОЖНИК 2. Конечно, можно. Розетки все равно не работают.
ЭЛЯ. Вы пробовали?
ЗОЖНИК 3. А то.
ЭЛЯ. Можно, я сама.
ЗОЖНИК 2. Пожалуйста... Ну что, не обманули вас? Они тут только для вида.
ЭЛЯ. Странно. Раньше работали.
ЗОЖНИК 2. Забудьте.

ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Список-то нам точно нужен. Очередность выхода.
КОСТРОВ. Обязательно.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Логично будет так: кто дольше едет, тот и первый на выход.
ДОЧЬ СУДЬИ. Получается, по принципу старшинства.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Вы юридический заканчивали?
ДОЧЬ СУДЬИ. В каком-то смысле.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Обожаю бессмысленные ответы.
ДОЧЬ СУДЬИ. У меня отец судья.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Понимаю, вопросов больше не имею.
ДОЧЬ СУДЬИ. Мне кажется, это правильно! Кто раньше вошел, тому и выходить раньше.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Если уж на то пошло, нас трое было. Вот он (*указывает на Рыбчинского*), вы и я.
КУРЬЕР. А если у кого-то срочные причины?
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Так это у каждого. Каждый скажет, ему нужнее.
КОСТРОВ. Есть же разумные пределы. Кому-то плохо. Кому-то надо...
ДОЧЬ СУДЬИ. Тогда значит по принципу особой нужды.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Сколько красоты в этих строгих канцеляризмах, хоть картины пиши.
КОНСПИРОЛОГ. Напишем... Куда нужно.
ЗОЖНИК 1. Как вы определите, кому больше надо?
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. По глазам.
ЗОЖНИК 1. Тогда, конечно.
ЗОЖНИК 2. А заслуги будут учитываться? Кто-то вот пострадал, между прочим.
КОСТРОВ. Надо бы учитывать.
ЗОЖНИК 3. Я, я. Это я!
КОСТРОВ. Хорошо.
ЗОЖНИК 2. А я помогал.
КОСТРОВ. Пожалуйста, все учтем.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Я у дверей стояла, входящих не пускала.
КУРЬЕР. И я.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Все эти усилия, конечно, хороши своими потрясающими результатами.

КУРЬЕР. Всё-таки первыми должны выходить, у кого уважительная причина.
ЗОЖНИК 1. Ух ты! И какая же.
КУРЬЕР. Ну... сами понимаете.
ЗОЖНИК 1. Не понимаю... И не хочу понимать.
КОСТРОВ. Давайте останемся людьми. Выпустим вперед тех, кто слабее.
ЗОЖНИК 2. Турнир предлагаете устроить?
КОСТРОВ. Детей я в первую очередь имею в виду и женщин... с колясками.
БЕРЕМЕННАЯ. Извините. Я попыталась ее сложить. Не приноровилась еще. Сегодня только купила. На «Авито».
ЗОЖНИК 2. На вырост?
БЕРЕМЕННАЯ. Извините.
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. А вы знаете, сколько вы места могли бы освободить для всех, если бы вот эту коляску... и короб вместе с ней... просто вынесли.
КОНСПИРОЛОГ. Сломать короб и все!
КУРЬЕР. Отойди.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Так что у нас с очередью?
КОСТРОВ. Погодите! Погодите. Мы чем-то не тем занимаемся. Даже если у нас получится самая справедливая в мире очередь, как мы выходить будем? (*К беременной*) А если их друг на друга, вот так? Можно?
БЕРЕМЕННАЯ. Конечно можно, она же пустая.
КОНСПИРОЛОГ. Давай, давай его сюда.
КУРЬЕР. Этого типа только уберите.
КОСТРОВ. Отойдите, пожалуйста. Сюда.

Коляска с коробом как в «Тетрисе» урывками движутся по салону навстречу друг другу, пока не оказываются поставленными один на другую.

КОНСПИРОЛОГ. На «Авито», говорите?
БЕРЕМЕННАЯ. Отстаньте, пожалуйста. Я уже извинилась.
КОНСПИРОЛОГ. Что-то здесь не сходится.
КОСТРОВ. Что не сходится?
КОНСПИРОЛОГ. Ничего. Не сходится (*В сторону*) Это что у вас, татуировка?

Сорокалетний Марюс с татуировкой на мочке уха, в светлых шортах и толстовке с надписью «Бесите» демонстративно отворачивается. Он здесь совсем недавно, из него еще не выветрились пришлые запахи кофе и сигарет. Марюс резко реагирует на то, что кругом его задевают и рассматривают. Добрались и до татуировки.

ТАТУИРОВАННЫЙ. Вам какое дело?
КОНСПИРОЛОГ. Дела пока нет. Бытовой интерес.
ТАТУИРОВАННЫЙ. Мне тоже много чего интересно.

КОНСПИРОЛОГ. Как правило, татуировки набивают сюда или сюда... но на таком необычном месте. Наверное, это что-то означает.
ТАТУИРОВАННЫЙ. Означает, что я состою в тайном обществе, где в жертву приносят тех, кто задает глупые вопросы.
КОНСПИРОЛОГ. Просто спросил. Не хотите отвечать, не отвечайте.
ТАТУИРОВАННЫЙ (*Рыбчинскому*). Не дышите в мою сторону.
РЫБЧИНСКИЙ. Пожалуйста.
ТАТУИРОВАННЫЙ. Отойдите от меня. Не напирайте.

ОСТАНОВКА: ПРОСПЕКТ ЮРИЯ ГАГАРИНА

КУРЬЕР (*тихо*). Дайте выйти!
КОСТРОВ. Потерпи-потерпи еще.
ЗОЖНИК 1. Куда, стой! Побъетесь!

Школьники, бросив на произвол салона свой трофейный фикус, пытаются прошмыгнуть в открытые двери. Первый из них запинается и падает. Но куда упадешь в полном автобусе. Разумеется на учителя литературы. А ведь Колян так не любит литературу, особенно из этого списка на лето.

С остановки в салон тихо поднимается молчащая женщина. Нина молчит давно и долго. Хотя ей, конечно, есть что сказать.

КОСТРОВ. Откуда вы его взяли-то?
ШКОЛЬНИК 1. В школе ремонт, его выбросить хотели. А мы домой забрали. Пока у него побудет.
ШКОЛЬНИК 2. Если мама разрешит.
КОСТРОВ. Отсюда его еще скорее выбросят. Ну ладно.

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА: КУЗНЕЦОВСКАЯ УЛИЦА

ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Не удивлюсь, если на Кузнецовской инопланетяне войдут.
ЗОЖНИК 3. Чего удивляться, я это сто раз в кино видел.

ЭЛЯ. А если...
ЗОЖНИК 1. Что?
ЭЛЯ. Если попробовать обмануть систему.
ЗОЖНИК 1. Ну конечно.
ЗОЖНИК 2. Нам хлеба не давай.
ЭЛЯ. На следующей остановке мы все вместе повернемся лицом внутрь салона и сделаем вид, будто входим. Входить же не запрещается. Так и пойдем на выход спиной вперед.
КОСТРОВ. Спиной вперед — это наш путь.

ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Не сработает.
ЗОЖНИК 2. Может сработать.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Хочешь флешмоб снять? Правильно понимаю?
ЭЛЯ. Хочу.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Мемасиков набрать?
ЭЛЯ. Ну не то чтобы. Но в общем, да.
ЗОЖНИК 1. Ээ. Что за манипуляции?
ЭЛЯ. Не хотите, как хотите.
ЗОЖНИК 2. А если сработает? А мы не попробовали.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Не сработает. Сто процентов.
КОНСПИРОЛОГ. Так уж и сто. Даже одной десятой не оставляете?
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Ну хорошо, девяносто девять и девять, только для вас.

Но сила флешмоба в его согласованности. Если каждый действует самостоятельно, то это уже не флешмоб получается, а балаган какой-то. Повернуться-то спиной пассажиры худо-бедно повернулись, но как шагать, куда руки девать, каким образом становиться и вообще порядок действий не успели обговорить. А остановка-то вот она.

ОСТАНОВКА: КУЗНЕЦОВСКАЯ УЛИЦА

Так и началось несогласованное броуновское шевеление. Словом шутка, а не флешмоб. Разрозненное перемещение не имело даже малейших шансов справиться с направленным и целеустремленным натиском снизу. В салон попали новые люди. Среди них взъерошенный тубист Ивашов с пустой картинной рамой в руках.

ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Уберите рюкзак, вы что не видите.
ОКТЯБРИНА. Простите. Я плохо слышу, извините. Себя только слышу.
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Это же надо.
ОКТЯБРИНА. Я правда не хотела.
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Не хотела. Я может вообще не должна была в этот автобус садиться.
КОСТРОВ. А зачем сели?
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Незачём. Я с такими обычно не езжу.
РЫБЧИНСКИЙ. С какими такими?
ОКТЯБРИНА. Не надо. Не обращайте внимания. Вы только раззадорите.
ЗОЖНИК 2. Думает, купила дорогие шмотки — человеком стала.
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Заткнись!

УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ СВОИ ВЕЩИ В САЛОНЕ АВТОБУСА. ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ, СООБЩИТЕ ВОДИТЕЛЮ. СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА: ТРК «ЗИМА»

ОКТЯБРИНА. Я из Павловска еду. Люблю гулять утром по парку. На Розопавильонной аллее никого. Статуи молчат, как живые. Даже не могу представить, что там же прогуливались императоры, фрейлины, камергеры.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. В те времена, наверное, такого хамства не было.
КОСТРОВ. Боюсь вас огорчить.
ОКТЯБРИНА. ... Вот возьмите.
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Что это? Не надо мне ничего.
ОКТЯБРИНА. Мне неприятно, что мы так плохо с Вами поговорили. Простите, если задела рюкзаком. Он большой и порядочно растрепался, его давно пора менять. Это молодая шишка из парка. Там сейчас восстанавливают исторический породный состав. Во время войны большинство сосен вырубили, а теперь районе Старая Сильвия идет регенерация, растут молодые саженцы. Шишка подсохнет, раскроется, и будут еще семена.
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Не нужна мне эта грязь.
ЗОЖНИК 2. Возьми шишку, тебе что сложно?
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Вас не спросила.

Новоприбывшему Ивашову в тесном салоне некуда поставить пустую раму. Он прислоняет ее к большому стеклу. Все происходящее за окном теперь будто заключается в прямоугольные границы, и от этого становится менее реальным.

ОКТЯБРИНА. Вот так... Да. А я на юге была, там катамаран знаете как называется — «Простор». Чу́дно, да?
РЫБЧИНСКИЙ. А у меня кент был, Леня такой. Говорит, у меня тут у брата свой дом. Пойдем, посидим до вечера. Открыли значит калитку, зашли. Взяли дома бормотушки. В холодильнике там колбаски, еще что-то. Сидим, вроде нормально. Тут восемь часов. Мы выходить, а хрен там, я извиняюсь. Овчарка немецкая. Мы так в окошко глядь на нее. Рычит. Злобно, аж слюной брызжет. И так пробовали, и этак. Кошку думали найти, да тоже загуляла где-то, собака. Сутки просидели, бормотуха кончилась, жрать нечего, пока брат его с города не приехал.
КОСТРОВ. Вы к чему это?
РЫБЧИНСКИЙ. Там во дворе катамаран стоял. По-моему «Простор» как раз, с парусом. В Кавголово дело было.

Автобус притормаживает на светофоре. Похоже, в этом мире еще сохранились какие-то правила.
Рядом на соседней полосе останавливается другой автобус. Близко. Окна в окна. Пассажиры напряженно вглядываются в чужой салон.
Чего там разглядишь? Та же испарина на окнах. Тот же перегруженный истомой воздух. Те же глаза...
Или показалось? Да нет, те же усиленно разнимающие пространство напуганные пары зрачков. Обреченный поток зрительных ощущений с примесью ужаса и любопытства.

ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. У них тоже фикус.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Не фикус это, а швабра зеленая. Насадкой кверху.
ЗОЖНИК 1. Какая разница.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. У нас в «Спросе» такие продают.

Считанные секунды проходят между сигналами светофора. Считанных секунд достаточно, чтобы уловить главное: у них то же самое.

КОСТРОВ. Какой номер, кто заметил?
ЗОЖНИК 3. Двести двадцать шестой.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИГЛАШАЮТ МУЖЧИН НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ. ЖДЕМ ВАС В ИНФОРМАЦИОННЫХ ЦЕНТРАХ ВО ВСЕХ РАЙОНАХ ГОРОДА. ЗВОНИТЬ ПО КОРОТКОМУ НОМЕРУ 117. ВОСЕМНАДЦАТЬ ПЛЮС.

ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Надо им крикнуть.
ОКТЯБРИНА. Я уже пятый год кричу. Думаете, меня слышат?

ЗОЖНИК 1. Мужик, убери раму!

Но что с рамой, что без рамы — все одно. С рамой даже как-то спокойнее, чем без. Можно спрятаться за идеей существования художественного образа. А так...

ЗОЖНИК 1. Послушай. Верни обратно!
КОСТРОВ. Да, верните, пожалуйста.

Тубист Ивашов и сам понимает, что с рамой всем немного легче.
На момент возвращения рамы двести двадцать шестой стремительно забирает влево и уходит, беззастенчиво разбивая пространственную глубину композиции.
Повисает угрюмая тишина. Свистящая тишина. Такая тишина бывает в редкие моменты на похоронах, когда даже самым близким нечего больше сказать, слышно только, как жирные пальцы священника перетирают ладан, и нет больше сил плакать. Даже в безлунные ночи будних дней на кладбищах не случается такой тишины, какая стоит в эти секунды. Душа отрывается, говорят бабки, которые кое-что об этом слышали.

ОСТАНОВКА: ТРК «ЗИМА»

Вдруг взрываются трелями десятки мобильных телефонов, наполняя салон автобуса озорным гвалтом птичьих базаров. Черненные до того экраны расцветают

сообщениями, голосовыми и прочими уведомлениями. У наиболее удачливых прорываются даже обрывки звонков. Пассажиры бросаются отвечать. Но то был лишь порыв.
Как в иссушающую душную солнечную погоду вдруг неведомо откуда принесет иногда одно свежее дуновение, как заколышет ветви, пройдет «волнушкой» по верхам золотых колосьев, и снова заберет всех своей мертвой хваткой полный штиль. Так и здесь. Был сигнал, и будто сдуло его. Те же восклицательные знаки на треуголках LTE-сигнала. Тот же непоправимый сайлент тритмент.

ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Это в торговом центре своя связь. Оттуда долетело.
ЗОЖНИК 1. «Зима».
ЗОЖНИК 2. Лучше бы вообще не было, чем так.
ЗОЖНИК 1. Да.
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. За себя говорите.

Кто-то перекрестился. Как долетело, так и кануло.

УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ, МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ «ГОВОРЯЩИЙ ГОРОД» ПОДСКАЖЕТ НОМЕР МАРШРУТА, ВКЛЮЧИТ ЗВУКОВОЙ МАЯК НАД ВХОДНОЙ ДВЕРЬЮ И ПОЗВОЛИТ ДИСТАНЦИОННО ОБРАТИТЬСЯ К ВОДИТЕЛЮ ЗА СОДЕЙСТВИЕМ. ОНО ПОМОГАЕТ НЕЗРЯЧИМ, ЛЮДЯМ НА ИНВАЛИДНЫХ КОЛЯСКАХ, РОДИТЕЛЯМ С КОЛЯСКАМИ И ПОЖИЛЫМ.

Автобус продлевает свой путь по вверенному ему маршруту. Взволнованные пассажиры приходят в себя.
Октябрина Андреевна с рюкзаком как стояла тихо, так тихо и осела, не желая никого обременять. Никто даже не заметил сначала.

ТАТУИРОВАННЫЙ. Тут бабушке плохо.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Какая же она бабушка? Сами вы бабушки.
КОСТРОВ. Сознание потеряла?
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Как бы она не померла тут у нас.
КОСТРОВ. Чего вы нагнетаете?

Теперь, когда все заметили, расступились, как могли, не с первого раза обнаружили едва уловимый нитевидный пульс. Успели испугаться.

ЭЛЯ. Следующая больница вроде.
ЗОЖНИК 1. Поликлиника.
КОСТРОВ. К проходу ее передавайте.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. А толку?
КОСТРОВ. Вы пререкаться будете или помогать?

И осторожно, тихо и бережно, по рукам поплыла Октябрина Андреевна к выходу. Отбросив все, поплыла в свое последнее, может статься, плавание.

ОСТАНОВКА: ГОРОДСКАЯ ПОЛИКЛИНИКА

Бывалый физкультурник взял ее да и передал на руки в раскрывшиеся двери. А крупный мужчина, может даже санитар, принял ее на остановке. Принял бледной, едва дыханной, но живой.

ЗОЖНИК 2. В больницу несите.

Не вошел никто на этой остановке. Но вышла одна она, Октябрина Андреевна. Мурашками покатились по салону тихие в голос непроизносимые подозрения, будто, только так и получится выйти.

КОСТРОВ (*не выдерживает*). Да жива она. Что вы, в самом деле!
ЗОЖНИК 3. Была. Жива.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Я не могу с вас.

БЕРЕМЕННАЯ. Рюкзак! Рюкзак остался.
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Только рюкзак и остался.
КОСТРОВ. Надо передать.
ЗОЖНИК 1. Как? В окно бросить?

ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Один раз я так упала в магазине. Ну я не упала, меня какой-то мужик подхватил...

УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ, ОБРАЩАЕМ ВНИМАНИЕ, СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА «ПРОСПЕКТ КОСМОНАВТОВ» КОНЕЧНАЯ НА МАРШРУТЕ. ДАЛЕЕ АВТОБУС НАЧИНАЕТ НОВЫЙ РЕЙС. НЕОБХОДИМО ПОКИНУТЬ САЛОН ИЛИ ПОВТОРНО ОПЛАТИТЬ ПРОЕЗД.

За окном не видно ни единого космонавта. Оно и к лучшему.

ОСТАНОВКА: ПРОСПЕКТ КОСМОНАВТОВ

АВТОБУС ПРИБЫЛ НА КОНЕЧНУЮ ОСТАНОВКУ «ПРОСПЕКТ КОСМОНАВТОВ». УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ СВОИ ВЕЩИ В САЛОНЕ АВТОБУСА. ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ И ЛИЦ, СООБЩИТЕ КОНДУКТОРУ ИЛИ ВОДИТЕЛЮ.

Автобус останавливается и какое-то время выжидает с распахнутыми настежь дверьми, подобно умелому охотнику, терпеливо завлекающему добычу. С улицы никто не входит. Внутри тоже все затаилось.
Неожиданно перед самым закрытием, в дверях выстреливает контролер, Алия Раисовна, или просто Раисовна, как безальтернативно называют ее коллеги, женщина средних лет в яркой как салатовое солнце жилетке с ручным терминалом наперевес. Сразу у входа она затевает какие-то таинственные манипуляции с устройствами считывания, чем ненамеренно тревожит Виктора Ивановича Шайкова. Терминалы сообща перестают работать. Кто не успел, тому штраф. Автобус трогается. В тишине гулко звучит голос.

КОНТРОЛЕР. Уважаемые пассажиры предъявите, пожалуйста, проездные или карточки.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Вот вас-то нам и надо.
КОНТРОЛЕР. Это взаимно.

УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ, ВАС ПРИВЕТСТВУЕТ КОМПАНИЯ «ГОРТРАНСАВТО». АВТОБУС СЛЕДУЕТ ПО МАРШРУТУ НОМЕР 26 ДО КОНЕЧНОЙ ОСТАНОВКИ «БОРОВАЯ УЛИЦА». СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА: УЛИЦА ЛЕНСОВЕТА

ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ (*перекрикивает*). Вы понимаете, что происходит?
КОНТРОЛЕР. Вашу карточку, пожалуйста.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Карточку?
КОНТРОЛЕР. Или проездной. Предъявите, пожалуйста. (*В сторону*) Так... что у вас?
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Нас держат в заложниках...
КОНТРОЛЕР. Понятно. Заложники. Невиновники. Карточку, пожа-луй-ста, предъявите.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Какой-то неадекват.
КОНТРОЛЕР. Так... погодите. Как ваша фамилия?
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Причем здесь это?
КОСТРОВ. Простите, вы, наверное, не понимаете тяжести всей ситуации.
КОНТРОЛЕР. Понимаю, я первый год живу что ли.
ДОЧЬ СУДЬИ. С юридической точки зрения, перевозчик не выполняет своих обязательств, не обеспечивает оказания услуги в нужном качестве. Соответственно, и плату за проезд взимать не имеет права.
КОНТРОЛЕР. Так... Погодите. Чем конкретно вы недовольны?

Бурей взрывается оркестр салона. Каждый кричит наперебой.

ЗОЖНИК 1. Вы совсем обнаглели!
КУРЬЕР. Выпустите меня!
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Она не в себе. Какую-то оплату требует.
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. В «ГортрансАвто» одни роботы работают.
КУРЬЕР. Помогите! Мне выйти надо!

КОНТРОЛЕР. Подождите. Подождите. *(Пассажиры затихают.)* Я не понимаю. Вы проезд оплатили или нет?

И вновь раскатывается буря.

КОНТРОЛЕР. Вот это да. Только на смену вышла.
КОСТРОВ. На смену-то вышли. Отсюда выйти не получится.
КОНТРОЛЕР. Вы угрожаете? Я не поняла.
КОСТРОВ. Я? Да посмотрите на меня.
КОНТРОЛЕР. Ну в общем да.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Людей просто не выпускают.
КОНТРОЛЕР. Кто... не выпускает?
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. А вот это уже нам хотелось бы узнать.
КОНТРОЛЕР. Погодите-погодите, сейчас я в на пульт позвоню.
(По салону прокатывается гулкий смех.)
Связи нет... Ладно, я сейчас на следующей сойду. В диспетчерскую добегу. Тут недалеко.
(В салоне тот же гулкий смех.)
Это кто смеется там? Ничего смешного.
КОСТРОВ. Извините. Это смех горький. Смешного здесь правда немного, и вы скоро это сами поймете.

ОСТАНОВКА: УЛИЦА ЛЕНСОВЕТА

КОНТРОЛЕР. Я мигом... Да в чем дело? Выпустите, пожалуйста...

С улицы в автобус поднимаются еще двое будущих «заключенных».

КОНТРОЛЕР. Видели? Они меня не пустили.

В салоне все тот же гулкий смех, но с нотками горечи.

КОНТРОЛЕР. К водителю обращались?
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Вы нас за идиотов держите?
ЗОЖНИК 2. Он глухонемой или не понимает ничего.
КОНТРОЛЕР. Я не с вами разговариваю... И что выйти совсем нельзя?

Костров пожимает плечами.

КОНТРОЛЕР. А я-то причем? Думаете, я виновата?
КОНСПИРОЛОГ. Надо разобраться.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Никто не виноват. Только автобус едет и едет.
КУРЬЕР. Выйти дайте!

КОНТРОЛЕР. Я что ли двери держу?
КОНСПИРОЛОГ. А кто?
КОСТРОВ. Давайте тоже не будем на человека всех собак спускать.
КОНСПИРОЛОГ. Хотя бы нескольких.
КОСТРОВ. Уйдите, я вас прошу.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Мы составляем коллективную жалобу.

КОНТРОЛЕР. И давно вы так... едете?
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. С начала маршрута.
КОНТРОЛЕР. Дурдом.

Контролер прячет свой рабочий терминал в сумку. Она отворачивается к окну.

Утро за окнами тоже ведет себя нервно. То выглядит обиженным и буреет, то раздражается яростью цвета спелой куркумы. Во всяком случае, изнутри автобуса плохо различимо, что там на данный момент распласталось на небесах. И вообще, не совсем понятно, сколько уже времени прошло. Утро сейчас или уже день. Сезон белых противовоздушных ночей разбудил в умах тревожные подозрения.
Пассажирам, против воли стесненным в рамках катящего по дорогам лазурного автовагона, приходится знакомиться. А будучи знакомыми, приходится общаться. Впрочем, некоторые делают это не без удовольствия.

— А вы специально так громко думаете, чтобы я вас слышала?

— Узнать бы тебя получше, какая ты в быту.
— Плюс-минус ленивая.
— А у меня отталкивающий характер. Любая глупость и пошлость воспринимается мной в штыки.
— Как же ты живешь?
— Одиноко, надо сказать.
— А ты не говори.

— Заходишь в детский мир, и прямо слеза идет, что был ребенком не в то время.

— Спасибо, мне нельзя сидеть.

— Ты смотрела полный?
— Полный нет?
— Посмотри полный.

— Не надо говорить поэту, что он херово пишет.
В особенности, если ты его девчонка!

— Знаешь, что он мне сказал? Что он меня любит и целует.

— Это обман, никакой квантовой теории, ничего этого не существует

— Если что я на тебя упаду.
— Я согласна.

— У него мышц на теле стало больше. Прикинь.

— Ой, как будто вы сами не были продавцами

Даже открытые окна запотевают от дыхания. Снаружи припекает. Кажется, там наверху забыли выдернуть из сети мощный радиатор, при этом вентилятор с залива включить определенно не пожелали.
Душно. Хочется думать, что будет дождь. Но дождя не будет. Дождь уже есть, он повис в воздухе жаркой пеленой и то и дело напоминает о себе крупными каплями пота на близкорасположенных друг к другу лицах и телах.

Пассажир на центральной площадке вдруг начинает пронзительно кашлять. Очень сухо кашляет и никак не может остановиться. Даже в тесноте вокруг него сразу образуется разреженная зона. Кашляющий, не прерывая своего естественного сокращения дыхательной мускулатуры, жестами извиняется.

ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. У меня было такое один раз в театре. Бываю и в театре тоже. Сижу, значит в партере. Вид отличный. Сцена вот она. А я как давай кашлять. И остановиться не могу. Горло сухостью сдавило...

Кашляющий начинает кивать.

ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. ... сухостью сковало, говорю, горло. Минуту, наверное, кашляла или две без остановки. Пришлось уйти по-тихому. Ну или не совсем по-тихому.

В глубине салона кто-то ухмыльнулся.

ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. В фойе откашлялась. Холодной воды глотнула из-под крана, тогда только отпустило. Но в партер-то обратно во время действия в таких театрах не зайдешь. Пришлось конца отделения ждать.

Кашляющий видом показывает, что ему это все очень интересно. «Воды-то нет ни у кого?» — будто бы вопрошает он очередным красноречивым жестом. Но народ к таким жестам не слишком доверчив. А вдруг у него совсем не та сухость, что в театре, а вдруг

это вообще заразно. Вода если даже она есть и припрятана где-то, она может и самим пригодиться, вон какая пошла война.
Пассажиры сопровождают безостановочно громыхающего в угол поближе к мотору и дают там спокойно откашляться. Так всем тише, не очень слышно, а кому слышно, можно представить, что это какой-то механизм стучит или ритм отбивается, какой-никакой ломаный не музыкальный, но ритм.
Контролер Алия Раисовна с пораженческим физисом отковыривает металлический жетон с ярко-салатового жилета, на котором управляющая компания догадалась нанести заметную наспинную надпись «Ревизор». Надпись эта, в городе старой театральной культуры давно обсмеянная всеми кому не лень, в конец обесценила значимую прежде должность. Контролер решает совсем не надевать больше этот жилет и по-настоящему сравниться с пассажирами салона, окончательно признавая свое классовое с ними единение. Когда-то давно школе маленькая Алия была первой ученицей своего класса, участвовала в городских олимпиадах, в общем, подавала большие надежды особенно по математике. Однако в какой-то момент жизнь свернула в другую сторону: быстро пришло замужество, появились дети, тоже выказывающие определенные таланты и особенно в математике. Алия всегда остро чувствовала живопись, а вот чем она никогда не вдохновлялась, так это литературой.

КОСТРОВ. Пусть к литературе у вас тяга, но народ ничегошеньки не читает.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Не читает, не значит, что не чувствует. И это неправда, что не читают. Просто так много стало всего.
КОСТРОВ. И много плохого в том числе.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Очень много. Наворотят слов заборами и думают, что так и надо. Тут бы еще суметь хорошее разглядеть.
КОСТРОВ. Помню, мне ученики приносили тогда, в конце восьмидесятых, в девяностые — вот послушайте, вот прочтите. Виктор Цой, Егор Летов. Я про себя думал, вы когда-нибудь повзрослеете, пообразуетесь — поймете тогда, кто настоящие поэты. А теперь думаю, дураком был. Не сумел вывернуться из-под опыта своего, из-под снобизма. Прятался за эрудицией, не мог или не хотел увидеть настоящую искренность. Трудно это, когда бельмо на глазу: «много знаю, много слышал, еще больше читал». А когда шелуха отлетает — искреннее остается.

ЭЛЯ. А я вот не понимаю, зачем писать сочинения на свободную тему, если твое мнение вообще никому не интересно.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Кстати о современной литературе. А если им табличку написать «Не входить»?

КОНСПИРОЛОГ. Думаете, если написано «не входить», входить перестанут?
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Там листок есть на передней двери.
ЗОЖНИК 2. Передавай его сюда!
МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Сейчас отлеплю.

ЗОЖНИК 2 (*следующему режиссеру*). Карандаш ваш можно?

И опытный адепт ЗОЖа наскоро выводит на листе острые неприветливые буквы.
Но буквами делу не поможешь. На новой остановке опять напирают со входа. И сильно напирают. Кричат.

ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Мдаа. Это вам не Розопавильонная аллея.

Толпы туристов с чемоданами, пытаются пробраться в автобус. Им очень нужно. Торопятся в аэропорт. На рейсы. Хотят лететь. Пусть связи нет, но надежда осталась.
Раздраженный сумочно-чемоданный шквал поглощает переполненный автобус.
Надо сказать, когда кажется, что места совсем нет, это не значит, что его нет. Селедки в банках вам об этом целые песни споют. Так уж составлена человеческая конституция, хочется каждому иметь личное пространство. Но если это пространство как следует подмять и потеснить, в такой приватный объем еще пару-тройку человек поместится. Как поместится, так и докатится. Не навсегда же. Можно потерпеть.
Не навсегда...
Следуя этому принципу, толпы любителей городских достопримечательностей раскачивают автобус. Не все желающие, но первые ряды просачиваются, проползают, проникают, оставляя многих других позади. И эти многие, конечно, не остаются в долгу, разражаются бранными комплиментами, с досадами бьют по неуклюже закрывающимся дверям. И провожают проклятиями.
Сознают ли они счастие своей возлеостановочной свободы? Не свободы от желания, но свободы для возведения желаний. Свободы хотя и попранной недопущением в салон, но в то же время свободы обретенной пускай ровно до следующего автобуса.
Тем более что и остановка не та, и укатили обруганные ими «удачливые» соратники совсем в другую от аэропорта сторону.

В салоне жарко. С улицы сквозь стекло хочет пробиться осоловевшая от зноя и голода комариха. Но ей просто некуда втиснуться. С расстояния она наблюдает за распаренными телами, по которым красными реками струится такая инстинктивно привлекательная богатая плазменными белками жидкость.

УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ УСТУПАТЬ МЕСТА ИНВАЛИДАМ, ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ, БЕРЕМЕННЫМ ЖЕНЩИНАМ И ПАССАЖИРАМ С ДЕТЬМИ.

В автобусе теперь становится гораздо теснее и гораздо обиднее. Вновь подсаженные и возмущенные туристы осваиваются не сразу. Оно и понятно. Давно едущие и давно страдающие смотрят на них как на салаг. Новичкам только предстоит раскусить, то, что давно проглочено и переварено старопассажирами.

ТУРИСТ 1. А можно мне сесть?
ЗОЖНИК 1. С чего бы?
ТУРИСТ 1. Я могу заплатить.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Думаете, мы тут вчера родились? График на неделю расписан.
ТУРИСТ 1. Не понимаю. У меня дети.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Где?
ТУРИСТ 1. Дома.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Ждут?
ТУРИСТ 1. Не знаю. Но с собакой плохо гуляют.
КОСТРОВ. Дети детьми. А людей оскорблять незачем.

ШКОЛЬНИК 1. После вчерашнего, скажи спасибо, что у нас крышу не снесло. Ты видел вообще, что у наших соседей с первой линии. У них там просто крышу сорвало. И вот эта вот палка с проводами упала.
ШКОЛЬНИК 2. На камеру?
ШКОЛЬНИК 1. А?
ШКОЛЬНИК 2. На камеру? Ну ты снимал... вчера... на камеру?
ШКОЛЬНИК 1. Ты реально тупее Ярика.
ШКОЛЬНИК 2. Нет.
ШКОЛЬНИК 1. У меня вчера ночью обновились «Гадалки», «Мерч» и «Бравл Старс». Мне сейчас надо это все собрать. Плюс еще «Квест» и «МегаКвест». Мы когда попадем домой, короче, я к вай-фаю подрубаюсь... и сажусь играть в «Бравл». Ты со мной?
ШКОЛЬНИК 2. Я не играю в «Бравл».
ШКОЛЬНИК 1. Ну, конечно. Ты мне также с «Геншином» заливаешь: «Я буду играть в «Геншин», фармить примогемы». Опять надуваешь.
ШКОЛЬНИК 2. Про примогемы я не говорил.
ШКОЛЬНИК 1. Ты говорил, «я буду играть часто».
ШКОЛЬНИК 2. Не часто. Мне «Геншин» не нравится... Я в него не играю.
ШКОЛЬНИК 1. Ты говорил, что нравится!
ШКОЛЬНИК 2. В «Мертвые рельсы» я хочу, но не могу. Ты обещал разблокировать, и так и не разблокировал.
ШКОЛЬНИК 1. А каким образом я тебе разблокирую? Теперь, видимо, не поиграешь, поскольку моя почта уже не работает. Мне, кстати, скоро придет 1200 робуксов.
ШКОЛЬНИК 2. Задонатишь мне десять? Нет, сто.

ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Солнца бы поменьше. Напекает.
ГОЛОС ИЗ САМОЙ ТЕСНОТЫ. А тут в самый раз. Хотите, поменяемся?
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Спасибо.

За баталиями преддверной давки как-то остался незамеченным еще один эпизод: коляска, так заблаговременно приобретенная занедорого на Авито, хрустнула под напорами

стремительных тел и, не выдержав дальнейшего над собой давления, окончательно сдалась и потеряла формы.
Заметно беременная Мария переносит это смятие своих будущих планов на удивление стоически. Не кричит и не плачет.

БЕРЕМЕННАЯ. Слишком рано я ее купила. Боялась, что денег не будет, не будет помощи и сил.

РЫБЧИНСКИЙ (*читает*). «Много лет шел по свету человек, прижимая к груди пустой стеклянный аквариум.
— Однажды я принесу тебя домой, — говорил он. — Поставлю в светлой комнате, наполню чистой водой и запущу красивых рыб».
КОСТРОВ. Что это вы читаете?
РЫБЧИНСКИЙ. Тут на обороте написано.
«Шли десятилетия. Человек пересекал пустыни и чужие города, его одежда истлела, а волосы стали седыми. Но стекло аквариума оставалось чистым — так трепетно он его оберегал. Однажды, утомившись с дороги, он присел на площади красивого го...»
Города, наверное. Дальше не разобрать...
Короче: аквариум у него был, а дома не было... Такие дела.

Рыбчинский протягивает апельсин беременной Марии.

РЫБЧИНСКИЙ. Вот, возьмите.
БЕРЕМЕННАЯ. Спасибо. Мне рекомендуют избегать.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. А я где-то слышала, апельсины настроение поднимают.
РЫБЧИНСКИЙ. Остались со вчера.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Ну и замечательно. Я люблю.

Рыбчинский раздает апельсины из пакета. Ярко-оранжевые фрукты цитрусовым флером подтягивают упавшие было настроения.

ОСТАНОВКА: ТРК «ЗИМА»

И вновь в автобус будто попадает в орнитарий. Мобильные телефоны взрываются многообразными сигналами. ТРК «Зима» близко.
На этот раз люди готовы. Многие надеются успеть. Кто-то все успел заблаговременно и отправил сообщения, которые зацепившись за всполохи сигналов, сами без чужой помощи понеслись в далекие дали.
Настало время читать ответы. Как бумажные письма в советской армии: не всем пришли, не всем достались, но настроение в целом приподнятое.

«Нолан осудил стремление Тарантино снять десять фильмов».

«:))) красавчик»
«Московский патриарх призвал отказаться от покупки «левых свечей».
«В общем уехали они. Можешь не торопиться».
«Марокканский теннисист сыграл 135 договорных матчей. Пока это рекорд»
«Нифига себе. У нас только на заправках швах».
«Тест: угадай страну по флагу».
«В области поймали вора, оставившего паспорт на месте кражи».
«В Таиланде завелся чеховский медведь».
«Ты где».
«Ты где???»
«Все нормально?»
«Дачу Стивена Кинга в Зеленогорске превратят в гостиничный комплекс с сыроварней и винным павильоном»
«Обновилось время ожидания».
«В Китае сломанный робот с ИИ попрощался с ребенком перед отключением».
«Вы не доставили посылку. Вам недоступны заказы».
«Мужчину увезли из Эрмитажа в психиатрическую клинику».
«Внимание! Угроза БПЛА на территории города, возможны перебои в работе интернета и мобильной связи. Телефон экстренных служб 112».

Но и экстренные службы молчат. Те туристы, которые еще не расстались с мыслями добраться до аэропорта, массово получают уведомления об отмене и переносе рейсов. Еще звонче пустеют их и без того ненаполненные глаза. Торопиться больше некуда.

ТУРИСТ 1. Ну, раз торопиться некуда, можно и покататься.
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Обожаю этот детсадовский юмор.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Не детсадовский, а десадовский.

Однако даже улыбнуться нет никаких душевных сил. Учащенный пульс опоздания больше не колотит в стенки натруженных плечевых или радиальных артерий. Хочется воздуха и немного одиночества. Нет ни того, ни, уж тем более, другого.

А вот в 30-е годы автодороги этого города были полны громких звуков. Водители первых автобусов непрестанно сигналили, чтобы предупредить друг друга о своем приближении. Дело в том, что на машинах полностью отсутствовали зеркала. Вообще ни одного. Считалось, что у водителей есть глаза, шея, эта шея вместе с головой прекрасно поворачиваются и обеспечивают нужный обзор, а когда водители подозревали, что их не видно, они просто нажимали на клаксоны и гудки.
Сейчас не так. Скромно. Даже как-то скучно. Шуршат по делам легковушки. Издалека слышатся глухие бу́ханья, похожие на скупые хлопки в ладоши на новой театральной постановке. За окном метамодернисты аккуратно бьют постмодернистов за их злые шутки.
Автобус постепенно преобразуется в передвижной переселенческий барак, жилой блок-контейнер.

Термокороб курьера скомкан и замят. Сам Володя раздает остатки еды из заказа, не обращая внимания на затоптавшуюся под ногами сентиментальную бумажную приписку «Для мамы. Не острое». Причем между словами «для» и «мамы» оставлен какой-то нерешительный то ли пробел, то ли прочерк. Возможно, автор данной строки хотел или хотела написать «для любимой», «для дорогой», но постеснялся-постеснялась такой открытости или, может, публичности, и, наверное, до сих пор стесняется где-то там за пределами вообразимого микрокосма.

ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. После ночной я начинаю просто уничтожать холодильник. Буквально уничтожать... Потом лучше в зеркало вообще не смотреть.
ЭЛЯ. Часто в ночь работаете?
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. График идиотский. Такое чувство, что не живешь, а крадешь.

ЗОЖНИК 3. Может, споем?
ЗОЖНИК 2. Я уже давно пою, про себя. «Остановите самолет, я слезу!»

КОНСПИРОЛОГ. Сколько кругов проехали?
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Не знаю, пять-шесть.
КОНСПИРОЛОГ. Так пять или шесть?
ЗОЖНИК 1. Да какая разница.
КОНСПИРОЛОГ. Разница в том, что после пятого газ закончится.
ТАТУИРОВАННЫЙ. Третий только пошел, кажется.

Туристские чемоданы колесами врастают в интерьер салона и становятся его мебелью, тем самым окончательно структурно и материально примиряя старожилов маршрута с новичками.
Фикус взобрался на возвышение рядом с потертым рюкзаком Октябрины Андреевны прямо за кабиной водителя. Здесь он вполне позволяет себе раскидывать свои зеленые руки, не бьет людей по лицам, колышется и создает иллюзию присутствия воздуха.
В природе нет тесноты. То есть она, конечно же, есть, и еще какая: например, теснота широколиственного подлеска, где каждый большой и малый росток тянет вверх свои юные конечности, борется хотя бы за призрачный отблеск от светила, чтобы, как учили в школе, провести-таки реакцию фотосинтеза.
Но та природная теснота до ужаса гармонична. Дай автобусной тесноте те же неохватимые разумом эпохи, она наверняка научилась бы быть такой же уравновешенной, а пока салонная давка нервно отступает перед одним только видом фикуса, космогоническим символом, эволюционным образчиком зеленой свободы в несвободе, к которой почти стыдно стремиться.

ПРИГЛАШАЕМ ВОДИТЕЛЕЙ КАТЕГОРИИ Д ДЛЯ РАБОТЫ НА АВТОБУСНЫХ МАРШРУТАХ КОМПАНИИ «ГОРТРАНСАВТО», ГИБКИЕ ГРАФИКИ, ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ОТ СТА СОРОКА ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ, ОПЛАЧИВАЕМЫЙ ОТПУСК,

СЛУЖЕБНЫЕ РАЗВОЗКИ. ПОДРОБНЕЕ ПО ТЕЛЕФОНУ ОТДЕЛА КАДРОВ. СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА: ГОРОДСКАЯ ПОЛИКЛИНИКА

Некоторые пассажиры настаивают на организации «Комитета выхода» или в народе «Выходного комитета». Пожалуй, не стоит называть их имен, можно ограничиться фамилиями. Двойными.

ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Нужны графики сидения на сиденьях и, конечно же, очередности выхода. Будет разработан план, в том числе с учетом молчаливой зоны.
КОНСПИРОЛОГ. Простите, а все же... фамилия ваша как?
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Ну, допустим. Зайцев. Зайцев.
КОНСПИРОЛОГ. Повторять не обязательно.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Я и не повторяю. Фамилия такая. Двойная.
ТАТУИРОВАННЫЙ. Серьезно?
КОНСПИРОЛОГ. Какие могут быть претензии к человеку, если у него такая фамилия?
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Так у нас дело не пойдет.
ДОЧЬ СУДЬИ. Вам хорошо, вы всегда можете разделиться на зайцев и... зайцев.

ЗОЖНИК 3. Повезло, что детей нет. Маленьких.

Беременная Мария с обидой смотрит на излучающего здоровье.

ЗОЖНИК 3. Пока нет... Ну нет же?

Вера Петровна крутит пальцем у виска, рядом с бровью.

ЗОЖНИК 3. Я не знаю, (*реабилитируется*) по мне так, дети это вообще... цветы жизни.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. А наши вдвойне цветы, сами с цветами в салон притащились.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Мальчик, ты чего мнешься? В туалет хочешь? Нет? Ну слава Богу!

Молчаливая зона только так называется «молчаливая». Она и правда чуть тише всего салона, но только потому, что пассажиры пробираются сюда помолчать.
Как по-разному молчат люди. Вот громко молчит бывший преподаватель Костров, литературно молчит, со знанием, совсем не то, что женщина с брендовыми пакетами. Она обижена и тихо злится на весь салон, передушила бы всех, фигурально выражаясь, или даже не совсем фигурально. Ее, кстати, зовут Вероника, на таком имени настояла мама, хотя она сама из двух звучных половин выбрала завершающую — Ника. В последнее время у Ники не ладится: мелкий бизнес, как и у многих, наклонился в убыток; новые знакомства оборачиваются пусто́тами; от каждой перспективы веет безысходностью. Спасают только эти самые пакеты, вернее их содержимое. Она стала за собой замечать, что часто плачет без всякой видимой на то причины. Правда же, теперь

гораздо сложнее ее презирать, когда знаешь о Нике столько нового. Но молчащие люди вокруг ничего такого не знают.

Улыбаясь, молчат школьники. Они бы не молчали, но их загнали сюда принудительно, так как они всех достали громкими обсуждениями мобильных игр.
И, конечно, очень особенно молчит тихая женщина Нина. У нее многослойное молчание, которое гораздо внушительнее и больше всего салона, маршрута, и даже, наверное, всего этого города вместе с мостами, каналами и частью залива с фортами, несправедливое и натренированное, притупленное и болезненное это молчание.
Молодой человек в наушниках (он же следующий режиссер) формально тоже молчит. Но молчание его нарушается шуршанием карандаша о белизну блокнота. Мягкий графит жирным оконечником бежит по ровному полотну, оставляя за собой линии блестящих чешуек. Линии складываются в... надбровные дуги, в переносицу, в глаза, в улыбку складываются эти линии.
А все вместе они складываются в... Октябрину Андреевну. Не ту бледную и болящую, что вынесли из салона некоторое уже время назад, но ту, что гуляет по насыпным дорожкам огромного Павловского лесопарка. Ну точно она, один в один.
Младший из школьников, подтверждая необычайное сходство, достает из кармана шорт сосновую шишку. Петя подобрал ее под ногами в суете, когда все передавали потерявшую сознание к дверям. Он протягивает находку молодому человеку в наушниках. В углу рисунка ей самая подходящая позиция, художник соглашается, и шишка встает в живописную композицию как влитая.

КОНТРОЛЕР. Прямо картины старых мастеров.
КОСТРОВ. Это надо в раму.
ЗОЖНИК 1. Передавай.
КОСТРОВ. Держите.

И правда. Блокнотная страничка хоть и мала в пределах большой картинной оправы, но она занимает в ней свое очень точное место. Место несбыточной завтрашней благодати.

УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ, БУДЬТЕ ВНИМАТЕЛЬНЫ И НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ В САЛОНЕ АВТОБУСА И НА ОСТАНОВКАХ.

Мир разбился по парам давно. В священных книгах этого не скрывали.
Продолжает он биться и теперь. Пары могут казаться тройками или четверками, могут даже быть одиночками, смотрящимися в зеркала, но идеосоматически они все равно остаются парами. Полюса-то два, как глобус ни рисуй.

ЗОЖНИК 1. У вас все хорошо?
БЕРЕМЕННАЯ. Все отлично.

ЗОЖНИК 1. Вы же не начнёте рожать?
БЕРЕМЕННАЯ. Здесь? Ни за что!
...
Я не знаю. Я просто обалдела. Как можно в двадцать три завести ребенка.
Вам не мешает? Нет? Везет вам. А мне мешает. Все везде опухло, стало какой-то помехой. Раньше я еще занималась, пыталась форму сохранить, а сейчас... Тело как будто своей жизнью живет. Само решает, когда его будет тошнить, когда ноги отекут, спина заболит. Они вместе с мозгом сговорились. Втайне от меня.
Как этот автобус несут куда-то, не знаю куда. К выходу, наверное.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Не бойся, милочка. Справишься.
БЕРЕМЕННАЯ. Я на самом деле не родов боюсь. Я боюсь, что надо будет объяснять этому маленькому человеку, как жить. Я сама-то никому ничего пока не доказала, а ему тоже придется. Другие ведь будут на него влиять. Ничего не сделаешь. Не защитишь же его от всех.
ЗОЖНИК 2. Тело можно восстановить, а трудности только закаляют.
БЕРЕМЕННАЯ. Ну да. Может быть... (*Замолчала.*)
Знаете, чего я на самом деле боюсь? Я вот не согласна с вами, а все равно киваю, соглашаюсь. Чтобы не обидеть, чтобы не конфликтовать. Я не хочу эту вот покорность проклятую ребенку своему передавать. Он должен сам решать. Пусть я не решала... Не спросили меня иметь даже этого ребенка или не иметь. Все за меня решили, а я согласилась.
Никто меня не слушал. И сейчас не послушает. Подумают психичка какая-то. Поздний токсикоз у нее. Самое страшное, что я сама так со стороны про себя подумаю.

Вдруг резкий толчок, боль. Мария затихает, кладет руку на живот.

БЕРЕМЕННАЯ. Получила ногой! Поделом тебе.
ЗОЖНИК 2. Дышите. Вот так полную грудь наберите, и... выдох спокойно, размеренно.
БЕРЕМЕННАЯ. Да дышу я, дышу. Отстаньте только от меня. Все равно дышать нечем.

Дочь судьи, Юлия, прячет в ногах аккуратный маленький чемодан.

ЗОЖНИК 3. Есть хочется. Вот интересно, какие они на вкус.

Кивает на розы.

МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Недешевые у вас интересы
ДОЧЬ СУДЬИ. На праздник едете?
МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. К любимой.
ДОЧЬ СУДЬИ. Очень красивый букет.
МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Самый лучший. Надеюсь на него.
ДОЧЬ СУДЬИ. Вас, наверное, очень ждут.

МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Ждут-не ждут, а поговорить нужно. Я все бросил ради нее. Всем пожертвовал. У меня судьба решается, можно сказать.
ДОЧЬ СУДЬИ. А у нее?
МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Я считаю за свое счастье нужно бороться. Нужно доказать, а остальное — оно поправится, стерпится-слюбится, как говорится.
ДОЧЬ СУДЬИ. Иногда борьба за любовь выглядит как отказ принять чужое решение. Посмотрите, как люди входят, и нисколько не беспокоятся, что другим выйти требуется.
МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Причем здесь это, тут нас удерживают силой, а я еду по любви.
ДОЧЬ СУДЬИ. Ваша любовь тоже может перекрывать выход, если за ней стоит требование ответить только одним ответом.
МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Я не требую ничего. Прошу дать шанс, пересмотреть, переосмыслить то, что было.
ДОЧЬ СУДЬИ. А где эта граница между просьбой и требованием? Есть она вообще в вашем случае?
МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Слушайте, чего вы лезете. Не ваше дело. Как хочу, так и поступаю.
ДОЧЬ СУДЬИ. Нет этой границы. Вы сами себя слышите? Так ждет она вас с вашим красивым жестом или нет?
МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Ждет... Просто сама этого еще не понимает...
ДОЧЬ СУДЬИ. Просила не приезжать?
МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Да просила. Да! Но это от обиды. Обида проходит. Она ошибается, мне нужно ей многое объяснить.
ДОЧЬ СУДЬИ. Не в первый раз?
МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Послушайте сами-то вы к кому едете, с чемоданом. Вас, наверное, кто-то бросил, а вы на мне отыгрываетесь.
ДОЧЬ СУДЬИ. Никто меня не бросал. Я сама ушла.
МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Ну ясно.
ДОЧЬ СУДЬИ. Ничего вам не ясно. Вы едете не просить шанса, а отменить ее отказ. Думаете, куплю дорогой букет, после работы встречу, на колени встану, ужин туда-сюда и вопрос решен. Она просто обязана согласиться.
МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Не обязана.
ДОЧЬ СУДЬИ. Как же столько усилий, значит должна быть награда. Не так ли?
МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Послушайте, у вас другая ситуация. Вы там, я не знаю, сомневаетесь и боитесь, а на самом деле вам тоже нужен этот кто-то.
ДОЧЬ СУДЬИ. Не нужен, и я ему не нужна.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Вот и правильно. Так и надо.

ДОЧЬ СУДЬИ. Он меня не преследует. Даже не звонит, если хотите знать. Он вот так давит. Думает, сама прибегу. Я столько лет жила его проблемами, в его внутреннем голосе, что уже давно себя не слышу.

ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Мне тоже дарили там... но не муж это был.

МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Просто связи нет.
ДОЧЬ СУДЬИ. И хорошо. Потому что я сама не знаю, хочу этого или не хочу. Мне нужно время. Сомневаться — это нормально. И никто думать за меня больше не будет.

Мужчина с букетом встряхивает темно-красные бутоны.

МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Букет весь измяли.

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА: НОВОВОЛКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ (ПО ТРЕБОВАНИЮ)

Молодой человек в наушниках, насупившись, крутит в голове мысли о проходящем без него экзамене и при этом продолжает что-то чертить в блокноте. Эля со своей камерой, заглядывает к нему через плечо. Ей очень интересно.

СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Не снимай.
ЭЛЯ. Я не выкладываю. Интернета-то нет.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Все равно не снимай. Это не для съемки.
ЭЛЯ. Вообще-то все для съемки. Все вокруг жизнь, в разных проявлениях.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Просто люди не актеры в интернет-шоу, нельзя без разрешения нарезать из них мемы.
ЭЛЯ. Ты тоже рисуешь мемы, только карандашом на бумаге. Какая разница.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Ты снимаешь их, какие они сейчас: запертые, потные, жалкие, в этом стрессе, а я хочу представить, какими они были бы снаружи. И тем более это я для себя.
ЭЛЯ. Собираешь свой зоопарк. Покажи.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Не надо.
ЭЛЯ. Покажи. Чего ты.

На перевернутых страницах мягко спит выведенный графитом курьер Володя, сладко растянувшись на траве, и беременная Мария, которая с ребёнком на руках рассматривает остроконечные снежинки за окном, и Алия Раисовна, которая почему-то водит огромной кистью перед собой, и Марюс в скафандре, и еще многие пассажиры.

СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. А чего ты в плаще?
ЭЛЯ. Так. Одеваться по погоде не модно.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Точно.
ЭЛЯ. Опаздываешь куда-то?
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. В театральный, на третий тур.
ЭЛЯ. Актер?
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Нет. Режиссер.
ЭЛЯ. А я пробовала на сценографию: видеоарт и прочее. Не прошла. Волнуешься?

СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Чего волноваться, уже все равно не попаду.
ЭЛЯ. Ты хорошо рисуешь, почему режиссерский, а не «Репа» например или «Муха»?
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Это так.
ЭЛЯ. А можешь меня нарисовать?
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Нет. Я пока не понимаю, чего ты хочешь и куда едешь. Кажется, что ты сама не знаешь.

Эля выключает камеру.

ЭЛЯ. Не знаю.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. А чего выключила? Себя не хочешь фиксировать?
ЭЛЯ. Это личное.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. А у остальных?
ЭЛЯ. Знаешь. Твои рисунки это на самом деле обман. И вообще все обман. Люди снаружи, они точно также едут в своих автобусах по жизни, простора чуть побольше, а на самом деле такая же тюрьма.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Если и там то же самое, что ты тогда на выход рвешься?
ЭЛЯ. А я не рвусь. Мне и тут норм. Много людей интересных. *(ЗОЖник 1 улыбается.)*
И неинтересных. Можно контентик поснимать.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Ты учишься?
ЭЛЯ. На филолога.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Не думал, что филологи так говорят «норм».
ЭЛЯ. Бывает. Я на самом деле решила бросить. Уехать обратно в Пензу. У меня там парень.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Зовет?
ЭЛЯ. И да, и нет. Он хороший. Хочет семью там и все такое.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. А ты?
ЭЛЯ. Я контентик снимаю, слова переставляю.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Понятно теперь, как тебя рисовать.
ЭЛЯ. Очень интересно. И как же?
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Спокойной.
ЭЛЯ. Фаак. Тебе точно нужно поступать. Талант есть.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Знаю.

Опять конспиролог Шайков шалит.

КОНСПИРОЛОГ. Нашел!! Смотрите. Вот прямое доказательство!

Батарея телефона почти на нуле, но Эля включает камеру.

ЭЛЯ. Какое доказательство?

КОНСПИРОЛОГ. Социального эксперимента. Вы сразу-то не отворачивайтесь. Послушайте.

Условия жизни везде ухудшаются — это ясно. Нужно понимать, как ведут себя люди в экстремальных ситуациях. Как будут реагировать, что говорить. (*Оглядывается.*)

Элиты осознают, через 15-20 лет города превратятся в перенаселенные муравейники. Кто сомневается, в Кудрово съездите на экскурсию. Так вот им нужно понять, как паковать людей в капсулы, жилые блоки без риска для бунтов.

Автобус — идеальная модель. Они посмотрят, посчитают, при какой плотности на квадратный сантиметр граждане еще возмущаются, а при какой теряют личность и становятся единой биомассой, готовой выполнять любые команды ради глотка воздуха.

Но где они прокололись так вот с этим

(*Гордо поднимает записку*).

Читайте!

ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. «ДЛЯ ... МАМЫ. НЕ ОСТРОЕ». Для мамы.

КОНСПИРОЛОГ. Именно! «ДЛЯ ... МАМЫ. НЕ ОСТРОЕ». Вы не поняли? Мама, конечно, это никакая не мама. Скорее всего, аббревиатура. Наверное, что-то связанное с Mass Arrangements, управлением массами, или вообще кодовое имя куратора проекта, который наблюдает через камеры.

ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Бред!

КОНСПИРОЛОГ. А почему тогда там точки после «для»? Писали бы тогда просто «для мамы», если это действительно для мамы. Но самое главное: «НЕ ОСТРОЕ». «Острое» на их языке означает «бунт», «панику», «революцию», в конце концов; попытку разбить окна или напасть на водителя. «Не острое» — это фаза эксперимента. Пока она не острая.

Пока! Но что дальше?

Кстати, в таких экспериментах всегда принимают участие подсадные сотрудники. Лабораторные исследователи, социологи, изучающие подопытных изнутри. Так что советую оглядеться вокруг.

Эля продолжает снимать.

КОСТРОВ. Давайте, не будем людей тревожить. Это уже выходит за все рамки.

КОНСПИРОЛОГ. И согласиться быть подопытными? Лучше смерть! Кашляющий — наверняка переносчик заразы, курьер вез запрещённое, беременная — притворяется.

КУРЬЕР. Да это записка из заказа со спрингроллами. У нас такие часто кладут.

КОНСПИРОЛОГ. Вот! Сам признался! Что и требовалось доказать.

КУРЬЕР. Он же сам эти спрингроллы ел.

КОНСПИРОЛОГ. Ну и что? Ел. Любой из пассажиров может быть подсадным, абсолютно любой.

ДОЧЬ СУДЬИ. И вы?

КОНСПИРОЛОГ. И я... Ну я нет. Вон посмотрите на этого!

ЗОЖНИК 3. Я? На меня что ли?

ЗОЖНИК 1. Можно я его скручу?

ДОЧЬ СУДЬИ. Вы понимаете, что обвинять без доказательств — это клевета?
КОНСПИРОЛОГ. А это что, по-вашему?
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Бумажка.
КОНСПИРОЛОГ. Да не бумажка, а ...
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Предъявите настоящее доказательство или заткнитесь.

Логические опоры Шайкова кривятся и валятся, как тонкие стены горящих складов. Люди в салоне отказываются верить и перестают обращать на него такое вожделенное внимание. Виктор Иванович начинает путаться, срываться и повышать голос.

ЗОЖНИК 1. Он просто псих.
РЫБЧИНСКИЙ. Я тогда тоже псих. Месяц в лечебнице оттрубил. Мне там помогли.

Конспиролог с обидой сжимает свою «улику».

КОНСПИРОЛОГ (*бормочет*). И что, никто не виноват, по-вашему? А это тогда что? (*Обводит рукой вокруг*) У вас есть объяснение? Ну хорошо. Думайте так. Если вы вообще способны думать. Потом когда выяснится, моя правота, может это будет после моей смерти, вы все вспомните. Вы все виноваты. Все до одного!

С ОСТАНОВКИ. Это семнадцатый? Простите, это семнадцатый.
РЫБЧИНСКИЙ. Тысяча девятьсот семнадцатый!

Молчащая Нина не может больше молчать.

МОЛЧАЩАЯ ЖЕНЩИНА. Когда говорят, что все виноваты, это как будто никто не виноват. Значит, что никто сам лично непричастен.
Давайте определим, кто виноват, кто конкретно не дает выйти.
Что-то делает, или наоборот не делает.
Чего молчите? Лично отвечать, это совсем другое? Мне лицо ваша знакомо, вы в школе не работали случайно?
КОСТРОВ. Работал.
МОЛЧАЩАЯ ЖЕНЩИНА. Я так и знала, что тебя видела. Учитель...
КОСТРОВ. Литературы.
МОЛЧАЩАЯ ЖЕНЩИНА. Учитель литературы. А меня ты не помнишь?
КОСТРОВ. Простите.
МОЛЧАЩАЯ ЖЕНЩИНА. У вас в школе мальчик химреактив выпил в туалете. Так вот я мама.
КОСТРОВ. Вы ошибаетесь.
МОЛЧАЩАЯ ЖЕНЩИНА. Ошибаюсь? Да я помню тебя. На педсоветах этих бесконечных или как там они у вас называются, сидели все тоже трендели про

коллективную ответственность. Что не так скажешь было? Васькой его звали. Вася Сень. Не помнишь такого?
КОСТРОВ. А школа какая? Я так давно на пенсии.
МОЛЧАЩАЯ ЖЕНЩИНА. Да ладно прятаться-то. Тогда тоже все друг за друга прятались, а когда сына моего гнобили в школе, никто не вмешался. Взрослые же люди, педагоги, видели, а не вмешались. В сто второй это было. Сто вторая школа. Чего головой мотаешь, не преподавал там скажешь.
КОСТРОВ. Дети бывают жестоки.
МОЛЧАЩАЯ ЖЕНЩИНА. Это не дети жестокие, следить надо было лучше. И вмешиваться когда надо.
КОСТРОВ. Я в сто семьдесят четвертой работал, потом еще немного в четыреста шестой гимназии, той, что в Пушкине.
МОЛЧАЩАЯ ЖЕНЩИНА. Все равно. Все равно. Погубили вы Ваську. Все мне говорят простить надо. Отпустить. А я не могу простить. Не хочу. Не желаю я примиряться с теми, кто выбирает ничего не замечать.
КОСТРОВ. Ваше право.
МОЛЧАЩАЯ ЖЕНЩИНА. Да мое! Не хочу прощать и не буду прощать. Вы-то по домам прощенные пойдете. А мне как быть?
КОСТРОВ. Я тоже домой не тороплюсь, после смерти жены там... пусто.
МОЛЧАЩАЯ ЖЕНЩИНА. Вот и у вас... Пустота.
(Плачет.)
Сгорел Васька мой, в крематории на Шафировском. А я семь лет горю. Тлею вернее. Ни легче не становится, ничего не примиряется.
КОСТРОВ. Не надо ни с чем мириться. Вы имеете полное право никого не прощать... Если силы есть.
МОЛЧАЩАЯ ЖЕНЩИНА. Знаете, Вася почти до четырех лет не разговаривал. А потом как начал. Сейчас в тюрьму, наверное, сел бы. Колючий был до ужаса, как ежик. Не погладишь его. Все время в протесте. Свое отстаивал. За это и били. ... Извините. Я не буду больше. Извините.
КОСТРОВ. Ничего.
...
МОЛЧАЩАЯ ЖЕНЩИНА (*молодому человеку в наушниках*) У вас так хорошо получается рисовать. Не могли бы вы моего Васю. По фотографии. Только не в школе, а «если бы он сейчас жил».
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. С удовольствием.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИГЛАШАЮТ МУЖЧИН НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ. ЖДЕМ ВАС В ИНФОРМАЦИОННЫХ ЦЕНТРАХ ВО ВСЕХ РАЙОНАХ ГОРОДА. ЗВОНИТЬ ПО КОРОТКОМУ НОМЕРУ 117. ВОСЕМНАДЦАТЬ ПЛЮС.

СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. А что если нам устроить репетицию. Представить, момент выхода. Как небольшой спектакль. Или скорее перформанс. Как вам такая идея?

Сейчас любые идеи хороши.

ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. А что, смешно. Я за.
ЖЕНЩИНА С БРЕНДОВЫМИ ПАКЕТАМИ. Да ну. Цирк-какой-то.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Не цирк, а театр. Правильно я понимаю, молодой человек? Вы режиссер?
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Будущий.

ЗОЖНИК 2. Только сначала надо определиться, кто кем будет.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Самими собой.
ЗОЖНИК 1. Неинтересно.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Выберите другого.
КОСТРОВ. Может получиться обидно.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Самих себя, кстати, не так-то просто сыграть.
БЕРЕМЕННАЯ. Думаете, у нас получится?
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Это не про «думать», а про «чувствовать».
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Я тогда буду выходить.
ТУРИСТ 1. И я. И я.
ЭЛЯ. А я входить.
ТАТУИРОВАННЫЙ. Я буду вести себя, как вел.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Кто будет водителем?
ЗОЖНИК 1. Водитель пусть и будет водителем. Он уверенно исполняет.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Учитывайте, что ему еще и работать приходится. Кто будет фикусом?
МОЛЧАЩАЯ ЖЕНЩИНА. Я могу.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. А фикус тогда кем будет?
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Поручнем.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Кому-то надо играть дверь?
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Обязательно.
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. А ступени?
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Не будем.
ЗОЖНИК 2. Только двигаться у нас не получится.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. А зачем. Мы помним, как это бывает.
КУРЬЕР. А мне? Больше ролей не осталось?
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Почему, например, ветер с улицы.
КОСТРОВ. Какая роль!
ШКОЛЬНИК 1. Я тоже хочу. Это как в «Виндáх».
ШКОЛЬНИК 2. И я.
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Играйте. Просто дуйте в разные стороны.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ (*напевает*). «Ветра разлук, обид ветраа»

Получается почти идеально. Салон охватывает забытое уже чувство предвкушения. Каждый, стоя на своем месте, про себя, а то и вслух репетирует роль. Маленькую роль — в одно простое движение, простую фразку, точно нотку в оркестровой партитуре.
Автобус, который пантомимой показывают сразу трое ЗОЖников подъезжает к остановке, ее безапелляционно выбрала играть беременная Мария.
На остановке тоже роли: одни хотят войти и жестами показывают: «А ну, поближе подай», другие ждут своего транспорта. «Глухонемой» или непонимающий водитель очень натурально изображает самого себя и недоверчиво вглядывается в зеркало заднего вида.
Курьер Володя машет курткой, изображая ветер, о котором более чем приятно вспомнить в эту жаркую минуту. Рядом с ним дуют во все свои щеки пара школьников: Колян и Петя.
Контролер Алия Раисовна, не желая оставаться контролером, изображает окно в раме. Она всегда тянулась к живописи и даже втайне от мужа заказывала дорогущие альбомы с репродукциями из знаменитых мировых музеев.
Женщина с бровями, Вера Петровна Болкун, улыбаясь, имитирует забывчивость на выходе. Эля играет наружного человека, невезучего пассажира, который мог бы подождать следующего автобуса, однако поспешил.

ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. А что говорить-то?
СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Что хочется. Я буду показывать очередность. Когда кому вступить, когда передавать.

Мужчина с букетом и дочь судьи, Рома и Юля, играют «пару в стадии утомленного расставания» и вдруг отчетливо видят себя со стороны.

МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Я восемь раз тебя сегодня поцеловал.
ДОЧЬ СУДЬИ. Восемь?
МУЖЧИНА С БУКЕТОМ. Да, восемь.
ДОЧЬ СУДЬИ. Не пойму, это много или недостаточно.

Первый турист показывает пассажира, застрявшего в дверях с огромной сумкой; конспиролог Виктор Иванович Шайков как бы уже вышел, однако возвращается в салон за зонтом, чем провоцирует напускную волну возмущения у партии «выходящих». Зайцев-Зайцев, понятно, играет сразу за двоих, он и остается, и «выходит» одновременно, однако последний второй Зайцев тут же просится обратно — потому как он уже позабыл, куда хотел.
Многие смеются.
Но когда бывший учитель Костров оказывается снаружи за условными дверями, в салоне возникает неловкая пауза: никто не знает, что им делать дальше. Женщина с брендовыми пакетами, Ника, очень просит его вернуться, Рыбчинский забывается и начинает ругать всех подряд.

Каждый участник исторгает из себя буквально пару слов, пригоршню звуков. Остальные и не произносят и того. Но даже те, кто ничего не играют, аккуратно исполняют роли статистов-пассажиров.
И пускай это только роли, пусть они ненастоящие, салон наполняется неподдельной живой эмоцией. В спертом воздухе нарастает необъяснимое волнение.
Несмотря на полное отсутствие свободной площади тубист Ивашов (уже без рамы) падает вдруг на колени и целует-целует виртуальную асфальтовую землю родного и неценимого до того городского счастья.

Расчувствовавшийся сорокалетний Марюс садится рядом с кашляющим и дает ему воду для горла; кашель на время стихает. Студентка-филолог Эля плачет. Роман с букетом раздает по салону свои темно-алые розы.
Пассажиры замирают молча, сжимая в руках эти одинокие цветы. И летят. Летят пронзительными лепестками вдоль городского шоссе.

Может, хватит паясничать?
Можно побыть серьезным хотя бы пару минут? Хоть немного?
Одни только смешочки. Смерть — посмеемся, чувства — давай обсмеем, страдание — смехопанорама.
Нельзя так. Ну нельзя!
То есть можно, конечно, но к чему все это?
Да, он раздает свои розы. Может, он тронут. Разве не может такого быть?
Брезгливый дарит кашляющему воду из своей бутыли. Циничная не расстается со своим цинизмом, но разве она в каком-то смысле не спасена? Надменность склонилась к людям, тревога пусть на крупицу, но отпустила.
Разве это не сто́ит потраченных уз?

Автобус подъезжает к остановке. Не то чтобы как-то по-особенному. Много уже раз он подъезжал ровно также, и все хорошо знают, чем это заканчивалось.
То же и сейчас, подъезжает, бесцеремонно приглашает в раскрытые двери. Войти-то все равно некуда.
На остановке ожидает женщина в легком платье, с глазами как серые озера Карелии и коробкой с надписью «Хрупкое» в руках, прямо перед собой. Что-то хрупкое в них обеих. В коробке, как можно понять из надписи, но и в самой женщине.
Жизнь вообще как-то притупилась и примелькалась в последние годы, заиндевела на безальтернативном перманентном скроллинге. Мало в ней осталось такой трепетной хрупкости. Ан нет, вот она, иногда да встретится.
Нежность уже в самой ее позе. Уязвимость в ее мироощущении. Любой угадает, что пропускает женщина уже не первый автобус. И никуда она с этой своей «Хрупкостью» в руках не может прибиться.
Не найдется для нее места и в двадцать шестом. Гилле́ния, прекрасная в своей нерешительности, звонко думает сделать или не сделать шаг навстречу распахнутым

дверям. Пассажиры внутри двадцать шестого не желают ей этого. Бывший учитель литературы Костров торопливо водит головой из стороны в сторону, курьер Володя машет ладонями у стекла. «Не нужно — не нужно!»
Она приподнимает коробку почти вплотную к смятым в профиль пассажирам, демонстрируя всем, кто еще не увидел.
«Хрупкое», — без слов молвит она.
«Нет, не место ему здесь», — молча отвечают из салона.
«А как же? Куда же?» — еще шире раскрывает она свои озерные глаза.
«Не знаем, не знаем», — еще громче помалкивают пассажиры, — «может, придет время».
И закрываются двери автобуса, забывая хрупкую женщину на остановке.

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА: ПРОСПЕКТ КОСМОНАВТОВ

КОНСПИРОЛОГ. Кто-нибудь вообще видел живых космонавтов?
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Я видела, в музее космонавтики на День космонавтики.

Автобус плетется мелко, разгребая колесами песчаную крошку и оставляя вдоль обочин нерешительные узоры. Здесь запустили ремонт. Хаотично разбросаны обмотанные лентой пластиковые барьеры. Из-под кучек взъерошенного молодого асфальта выглядывает остатками старая дорога. Она-то повидала виды.
Пролежала чуть поболее года: от момента перекрытия предшественницы и до того, как ушла в свой последний ремонт. Неужели жизнь так ускорилась.

СЛЕДУЮЩИЙ РЕЖИССЕР. Вроде мы не ехали здесь.
ЖЕНЩИНА С БРОВЯМИ. Ремонт.
РЫБЧИНСКИЙ. Это значит, на Космонавтов не попадем?
ЗАЙЦЕВ-ЗАЙЦЕВ. Куда мы денемся.
КОНТРОЛЕР. Да нет, он свернул, кажется.

«ТЫ ПОЙМИ, МЫ НЕ ДУРАКИ, МЫ ПРОСТО БОЛЬНЫЕ».
Вслух читает Рыбчинский свежую надпись на бетонном заборе.

ОСТАНОВКА: ЗВЕЗДНАЯ УЛИЦА

Двери распахиваются и обмякают.
Никто не входит.
Снаружи кури́тся густая черная пелена. Крутой едкий дым горения бензинов, дизелей, мазутов, битумов, тяжелых парафинов и асфальтенов со всех сторон окутывает автобус. Дым чуть першит в горле, чуть подкруживает голову, чуть потягивает к обмороку, но не то чтобы очень сильно. Терпеть в общем можно.

Нужно только согласиться и пустить его в глубокие отделы своих легких, пригласить дальше по кругу кровообращения, встретить в нервных центрах, примириться с ним в мыслях...

...и жить что ли?

Если что, двери открыты. Кто на выход?

СПб, 2026

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЖЕНЩИНА
С КОРОБКОЙ
“ХРУПКОЕ”

ОКТЯБРИНА АНДРЕЕВНА

ЛЮДИ И ЖИВОТНЫЕ НА УЛИЦАХ